

Другой существенный недостаток ведомостей о хлебных ценах состоял в том, что они не учитывали количества продаваемого хлеба, хотя зимой, осенью, весной и летом на рынках продавалось разное количество хлеба. Но так как мы пользуемся однородными данными, то ошибка всех ведомостей будет в общем примерно одинаковой, следовательно, характер динамики цен по времени и пространству не изменится.

В. Г. ЧЕРНЫШОВ

ВСЕНОДАТНПШПШ ДЮКЛАД КОМПССПШ П. А. ВАЛЮЕВА ОТ 2 АПРЕЛЯ 1872 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОДАТНОЙ РЕФОРМПЫ В РОССИИ

Во второй половине 50-х годов XIX в., когда правительство Александра II решило предпринять ряд преобразований, направленных укрепить экономическое и политическое положение России, первоочередными были признаны реформы крестьянская, земская и податная. В отличие от первых двух, проведенных сравнительно быстро, разработка податной реформы, измененной целью уничтоженно устаревшей системы подушного обложения, сильно затянулась и прошла несколько этапов. Первый из них завершился указом 1 января 1863 г., отменившим взимание подушной подати с мещан и установившим обложение городского недвижимого имущества. Второй этап был связан с представленным в 1869 г. Податной комиссией проектом, предусматривавшим замену взимаемых с крестьян по подушной системе подушной подати и государственного земельного сбора поле-мельной податью и подворным налогом. Одной из задач податной реформы являлось облегчение податного бремени крестьянства в связи с ростом недоимки и казенных сборов. Стави такую задачу, правительство одновременно стремилось разрешить ее, сохранив и прежний объем прямых налогов и прежний круг налогоплательщиков. Поэтому податной проект был явной полумерой. Он предполагал изменение объекта обложения, результатом чего могло быть лишь перераспределение податей среди крестьян. И, как некоторую уступку развивающемуся капитализму, проект делал робкий шаг в направлении привлечения помещиков

душной и последующей ступицей несущественно, поэтому средняя большая и меньшая или средняя ряда довольно точно соответствует средней арифметической.

к платежу государственных налогов. В случаях, когда по смете платимой крестьянами поземельной подати расходная часть превысила бы приходную, сумма дефицита распределялась на все земли, включая помещичьи.¹

В 1870 г. ввиду сложности налоговой проблемы правительство передает проект Податной комиссии на обсуждение земских и местных административных учреждений — губернских по крестьянским делам присутствий и губернаторов. В ходе обсуждения, проходившего в 1870—1871 гг., проект был единодушно отвергнут. Представители земств и местной администрации резко не одобряли, что перераспределение прежней суммы старых налогов только под другими названиями между теми же крестьянами не является решением вопроса. Выказывались предложения о разных видах всеобщего обложения, в том числе о подходящем налоге.²

Предлагаемая мера таила для самодержавия опасность того, что дворянство немедленно вслед за привлечением его к несению налогового бремени потребует себе за это политическую компенсацию. Такие голоса раздались по время обсуждения проекта в земских собраниях: Б. П. Чичерин, которого поддерживали несколько других земств, заявляя, что дворянство не может отказаться от своих податных привилегий без каких-либо конституционных гарантий, и ставил в прямую связь всеобщее обложение с общественным представительством, имеющим право контроля над расходованием государственных средств. Министр внутренних дел А. Е. Тимашев обвинил Б. П. Чичерина в выдвигании конституционных требований.³

Для того чтобы дать дальнейшее направление движению законопроекта, правительству подлежало определить свое отношение к предложениям о всеобщем обложении. С этой целью в августе 1871 г. создается особая комиссия под председательством члена Государственного совета П. А. Валуева из министров финансов и внутренних дел и главноуправляющих II и III отделениями с. е. в. к. О существовании этой комиссии бегло упоминается в некоторых исследованиях, не раскрывающих, однако, ни истинных задач, ни решений комиссии.⁴

Задачей комиссии являлось рассмотрение политического аспекта всеобщего обложения. Не только для некоторых пред-

¹ Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов, т. III, ч. II, СПб., 1869, стр. 63—80.

² Краткий свод предположений земских собраний, губернских по крестьянским делам присутствий и губернаторов по вопросу о преобразовании системы податных сборов. СПб., 1872.

³ Б. П. Чичерин. Земство и Московская дума. М., НКЗ, стр. 35—41.

⁴ П. Коппельков. Главнейшие реформы, проведенные И. Х. Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901, стр. 22; И. П. Дьяченко. Общественная аграрная владения России, т. II, ч. I, СПб., 1913, стр. 632.

ставителей дворянства, но и для министров была ясна связь между всеобложением и представительством. Поэтому комиссия предстояло решить вопрос о целесообразности увеличения государственных доходов от прямой обложения путем расширения круга налогоплательщиков, если это потребует ограничения абсолютной власти императора. Среди министров Александра II были сторонники как введения конституционных начал, так и не только всеобщего обложения, но и подоходного налога, однако ревнивое ограждение Александром II своих прав делало их положение крайне затруднительным. Для сторонников же экономических и политических привилегий дворянства, каковым был шеф жандармов П. А. Шувалов, в данном случае мотив политической опасности был удобным предлогом, чтобы отклонить разработку податной реформы и сторону от всеобщего принципа. В бюрократических кругах считалось, что мысль о всеобщем налоге будет обязательно отвергнута комиссией. Этому способствовали и разговоры министра внутренних дел о том, что комиссия должна «сохранить» это предложение.⁵ Директор Почтового департамента И. О. Везио утверждал то же самое в сентябре 1871 г., еще до начала заседаний комиссии. С его слов сенатор А. А. Половцов записал в своем дневнике, что «задача мысль учреждения комиссии — отвергнуть принцип всеобщего обложения, «внешнюю» же мысль — «обсудить политическую сторону вопроса, т. е. подумать о том, что, когда будет платить не бессловесный мужик, а образованные части народа, то не потребуют ли они и отчета в расходовании их денег, другими словами: конституция».⁶ О политической задаче комиссии было известно и в общественных кругах. П. Ф. Даниельсон сообщал К. Марксу в письме от 17(29) октября 1871 г.: «Вопрос о реформе налогов рассматривается теперь в особой комиссии под председательством Валуева. Эта комиссия занимается специально политической стороной реформы».⁷

Сохранившийся в архиве П. А. Валуева доклад комиссии императору от 2 апреля 1872 г.⁸ является единственным разосланным, а может быть, и единственным существующим источником для характеристики деятельности этой комиссии, дающим материал для выяснения не только судеб податной реформы, но и взглядов, и суждений руководителей внутренней политики страны по вопросам дворянскому, всеобщего обложения и взаимоотношений самодержавия с всеобщим представительством. Доклад довольно обширен (он составляет 35 записанных с обеих сторон полулистов) и, что очень важно, содержит не только заключения

⁵ Воспоминания П. А. Шестакова. ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 20, л. 71.

⁶ ЦГАОР, ф. 583, оп. 1, д. 8, л. 85—85 об.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, М., 1967, стр. 224.

⁸ ЦГИА, ф. 308, оп. 1, д. 335, лл. 1—35 об. Заверенная копия.

комиссии, но и передает позицию отдельных ее членов. Ценность доклада увеличивается тем, что вединесы обычно во время таких заседаний протокольные записки вряд ли будут обнаружены, поскольку обычно их не хранили, а восстановить картину происходивших за плотно закрытыми дверями министерских кабинетов спор, как это иногда удается, на основании дневников участников заседаний на этот раз невозможно, поскольку единственный из членов комиссии, вединий дневник, П. А. Валуев и это время не делает в нем записей.

По своей структуре доклад распадается на три части. Первая, вводная, часть содержит краткий обзор предложений земских собраний и формулирует вопросы, вытекающие из этих предложений и требующие заключений комиссии. Эта часть доклада прямо касается о политическом подходе комиссии к будущей податной реформе. «... не касаясь пока вопроса собственно финансового, подпадающего ведению Министерства финансов, приводилась в докладе мотивы создания комиссии, она должна рассмотреть и обсудить, насколько предложения, заключающиеся в постановлении земских собраний, соответствуют видам правительства и общегосударственному значению.⁹ Поскольку главнейшим из них являлись предположения о введении всеобщего налога и привлечении земства к дальнейшей разработке податного проекта, то первые два вопроса, вставшие перед комиссией, касались этих мер. Третий относился к характеру и порядку дальнейшего движения податного законодательства.¹⁰

Вторая, самая большая часть доклада — подробное и последовательное изложение мнений членов комиссии — соответственно распадается на три раздела. Наибольший интерес представляет первый раздел этой части доклада, а именно суждения министров о всеобщем обложении. Он необычен для формы всеподданнейших докладов, являясь протокольной записью выступлений членов комиссии и отрывая ход прений. На него имеется, что министр финансов М. X. Рейтер и П. А. Шувалов, придерживаясь противоположных мнений, выступали по крайней мере по три раза с пространными заявлениями, выражая друг другу и опровергая выдвигаемые доводы. Включение фрагмента протокола в заключительный доклад комиссии в данном случае может быть объяснено настоятельными требованиями участников заседания, чтобы их мнения и аргументация были точно переданы императору, дабы в дальнейшем избежать нежелания и изложения их позиций, могущего повлечь «высочайшее неудовольствие». И самое несомненное обложение, и его политический аспект были, как уже говорилось, настолько сложными проблемами, что такая «страховка» министров является вполне понятной.

⁹ Там же, л. 2—2 об.

¹⁰ Там же, л. 12—12 об.

Рассуждения министров чрезвычайно интересны. Речь шла о важнейшем деле: целесообразности введения буржуазного принципа податной индифференции сословий, лишения дворянства одной из существовавших его привилегий. П. А. Шувалов, защищая интерес верного сословия страны, естественно, выступил против того, чтобы возложить на него оплату части государственных расходов. Заявления помещичьих по своему составу земских собраний были расценены им как не заслуживающие серьезного отношения, своего рода красивый жест, сделанный в полной уверенности, что правительство не прибегнет к налогообложению дворянства. При этом он ссылался на сведения, почерпнутые им из бесед с составителями земских проектов. В качестве аргумента в пользу сохранения прежнего деления сословий на податные и неподатные П. А. Шувалов привел политические мотивы, которые должны были убедить императора. Не отрицая справедливости принципа всеобщего обложения, он объясняет, что введение его в русскую государственную жизнь чревато печальными последствиями для абсолютной власти императора, так как противопоставит правительству силуочную массу налогоплательщиков, политические требования которой трудно будет подавить. «Если подлинности, — говорил он, — что всеобложение, по своей справедливости, не может быть отвергаемо, то в том же точно размере должно признать равносильным и право налогоплательщиков контролировать правильность расходования их сумм».¹¹ Предоставление же общественным элементам права контроля шеф жандармов считал «угрозой» существующей в стране форме правления и прямо называл такого рода меру «существенным шагом в направлении конституционному».¹²

Зато министры финансов, внутренних дел и главноуправляющий II отделением С. П. Хрусов более или менее определенно высказались в пользу всеобложения. Наиболее убедительно точка зрения невозможности сохранения податной неприкосновенности дворянства была сформулирована министром финансов. Он уже в силу занимаемой им должности подходил к делу с финансовой стороны. Постоянно сталкиваясь с растущей бедностью крестьянства и ходатайствами местных властей о предоставлении последнему податных льгот, с одной стороны, и будучи озабочен изысканием средств на возрастающие государственные расходы, с другой, он не видел возможности увеличения прямых налогов иначе, как расширением круга податных категорий населения. «... встанет в стороне вопрос об обложении сословий, ныне свободных от платежей прямых податей, и обрежь Министерство финансов на изыскание источников для удовлетворения государственных потребностей в круге податных классов народа,

¹¹ Там же, л. 18.

¹² Там же, л. 21.

значило бы обречь наши финансы на полную неподвижность»,¹³ — заявлял он. Не настаивая на немедленном и тяжелом обложении дворянства и подчеркивая свое «беровливое внимание» к нуждам этого сословия, он полагал переход к всеобщему обложению в принципе неизбежным и диктуемым как опытом Европы, так и проведенными в последнее время в России реформами. Политические же доводы П. А. Шувалова он ловко парировал, возразив: «... опасность для самодержавия явилась бы тогда, когда в сознании народа зародилась бы мысль, что самодержавие не допускает справедливого обложения всех подданных». ¹⁴ Если же жандармов зашугивал неизбежным ограничением абсолютизма и случае проведения принципа всеобложения, то министр финансов угрожал разорением страны и возможностью революции, если этот принцип будет отклонен. Министр внутренних дел прямо поддерживал М. Х. Ребтерна, признав необходимым «принять принцип обложения всех без различия сословий в государстве при дальнейшей реформе существующей у нас податной системы». ¹⁵ С. Н. Урусов также определенно высказался за то же, подчеркнув, что на всеобложении настаивают губернаторы. Председатель комиссии, человек крайне осторожный, высказался лишь тогда, когда выяснилось, что финансовые соображения берут верх и жандармов, оказавшись в меньшинстве, соглашается пойти на уступки. В этих условиях он смог поддержать и всеобложение, являвшееся одним из принципов его экономических поззрений, и оказать поддержку невольному шефу жандармов, заявляя необходимость «слаботности правительства» по отношению к находящимся в тяжелом положении вследствие «переходного состояния» их хозяйства помещикам. ¹⁶

Вопрос о привлечении земства к участию в работах над податной реформой решался, видимо, гораздо более единодушно, ибо позиции министров изложены в общей редакции без указания на какие-либо особые мнения. Эта проблема решалась ими исключительно с политической точки зрения, и все они были против какого бы то ни было допущения земства к делам, составляющим компетенцию внешней администрации. Признав, что «единком часто повторяемое обращение правительства к земским собраниям в делах, имеющих значение и свойство дел законодательных и вопросов внутренней политики, составили бы ряд прецедентов, во многих отношениях крайне неудобных», ¹⁷ комиссия нашла участие земства в разработке податной реформы невозможным.

¹³ Там же, л. 25 об.

¹⁴ Там же, лл. 23 об. — 24.

¹⁵ Там же, л. 24 об.

¹⁶ Там же, лл. 27—29.

¹⁷ Там же, лл. 31 об. — 32.

Третий раздел второй части доклада отражает соображения министров о порядке дальнейшей деятельности Министерства финансов по составлению законопроекта.

Заключительная часть доклада содержит рекомендации комиссии и состоит из четырех пунктов. Примечателен вывод комиссии в отношении всеобщего обложения. Он является компромиссным решением между крайними мнениями и показывает, как экономическая необходимость заставляла царское правительство жертвовать сословными привилегиями дворянства. Принцип всеобложения был принят в качестве отправной точки будущей податной реформы, однако введение его было обставлено оговорками, которые должны были сделать его наиболее безболезненным экономически для дворянства и политически для правительства, пусть к чему министры видели в постепенном осуществлении незначительных мер. В заключении комиссии говорится: «1) Предоставить министру финансов войти в соображение о преобразовании существующих в настоящее время прямых податей (подушные, казенные, государственный земский сбор и волостный земский сбор) с тем, однако же, чтобы, ввиду неудобств отнительного положения помещичьей собственности во многих частях империи, было обращено особое внимание на то, чтобы при предположенном преобразовании не произошло обременительного обложения людей. 2) Предоставить министру финансов по мере усматриваемой им необходимости и установлении новых налогов или в соответствующим финансовым нуждам и пользам государства преобразовании налогов уже установленных, направлять свои действия по этому предмету путем отдельных законодательных мер, и указанным для сего порядке, принятым за основание общее обложение всех платежных сил государства без различия сословий, но не придавая таким мероприятиям ни вида, ни значения одновременной всеобщей податной реформы».¹⁸ Законодательные предположения должны были быть представлены министром финансов на рассмотрение императора, от которого зависело определение порядка их дальнейшего движения. Заключение комиссии о роли земства в связи с податной реформой было серьезным ударом по планам земцев, оживившихся по поводу привлечения их к обсуждению проекта Податной комиссии, и показало, что в области политической правоудельно придерживается жесткого курса и не собирается расширять компетенцию учреждений местного самоуправления. Оно гласило: «Предоставить министру внутренних дел, в ведении которого сосредоточены дела по земским учреждениям, не сообщать этим учреждениям никакого отзыва насчет предположений правительства касательно дальнейшего направления вопроса о преобразовании податной системы».¹⁹

¹⁸ Там же, л. 34—34 об.

¹⁹ Там же, л. 35.

7 апреля 1872 г. доклад комиссии был утвержден императором Александром II. Так завершился второй этап в истории податной реформы в России.

Б. В. АНАШИН и Г. Ш. ГАЦЕЛИН

ОБ АВТОРСТВЕ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ОБЩЕСТВА „ЗЕМСКИЙ СОЮЗ“»

Осенью 1881 г. в Женеве появилось новое периодическое издание на русском языке — газета «Вольное слово». Первые тридцать шесть номеров ее вышли анонимно. Впрочем, в кругах русской революционной эмиграции было известно, что в подлинно «Вольного слова» имеет прямое отношение А. П. Мальвинский, журналист, ранее составлявший по поручению Третьего отделения обзор истории революционного движения в России. В передовой статье тридцать седьмого номера от 15 мая 1882 г. «Вольное слово» объявило себя органом «Общества Земского союза и самоуправления», а еще несколько месяцев спустя, 23 декабря 1882 г., в № 51 газеты было сообщено, что ее редактирование переходит к М. П. Драгоманову. В том же декабре 1882 г. в Женеве была опубликована брошюра «Политическая программа общества „Земский союз“».

Всего вышло шестьдесят два номера «Вольного слова», в мае 1883 г. издание газеты прекратилось так же неожиданно, как и началось. Ничем не проявив себя, исчез и «Земский союз». Поиски следов этой таинственной организации почти 30 лет спустя предпринял известный историк народничества В. Я. Богучарский. Обратившись к земским деятелям 70—80-х годов, он установил, что к существовавшим в России земским организациям «Вольное слово» отношения не имело. В. Я. Богучарский поставил под сомнение реальность существования «Земского союза» и высказал мысль, что этот союз играл роль ширмы, под прикрытием которой А. П. Мальвинский предпринял издание «Вольного слова» по поручению «Святой дружины» — конспиративной аристократической организации, созданной после 1 марта 1881 г. для борьбы с революционным движением. Душой литературных предпринятий «Дружина» был один из ее руководителей граф П. П. Шумлов, пользовавшийся репутацией конституционалиста. Его же В. Я. Богучарский и считал автором «Политической программы общества „Земский союз“». В. Я. Богучарский опирается на сообщение известного земского деятеля И. П. Петрункевича о том, что в 1882 г. П. П. Шумлов показывал